

ДВА ЭПИЗОДА: МОРСКОЙ КОРПУС И АЛЕКСАНДРО-НЕВСКАЯ ЛАВРА

Аннотация

В первом «эпизоде» статьи рассматривается окружение Н.А. Римского-Корсакова в годы его учения в Морском корпусе и кругосветного плавания; во втором «эпизоде» речь идет об отражении похорон М.П. Мусоргского в дневниковых записях и рисунках И.Ф. Тюменева (архивный источник).

Ключевые слова

Римский-Корсаков, Морской корпус, моряки в окружении композитора; Мусоргский, Тюменев, похороны Мусоргского, рисунки Тюменева

Marina Rakhmanova
(Moscow)

TWO EPISODES: THE MARINE ACADEMY AND THE ALEKSANDER NEVSKY LAVRA

Abstract

The article's first 'episode' deals with N. A. Rimsky-Korsakov's environment during his studies at the Marina Academy and his circumnavigation. The second 'episode' is dedicated to M. P. Musorgsky's funerals as reflected in the diaries and drawings of I. F. Tyumenev (an archive source).

Key words

Rimsky-Korsakov, Marine Academy, seamen in the composer's environment; Musorgsky, Tyumenev, Musorgsky's funeral, Tyumenev's drawings.

1. Морской корпус

«Летопись моей музыкальной жизни» Н.А. Римского-Корсакова, как известно, удивительная книга, читая которую все время открываешь нечто новое. Но это, как тоже известно, — жесткая книга, о чем, кстати, шла речь на посвященной композитору юбилейной конференции несколько лет тому назад в докладе Светланы Лашенко. Она говорила о том, как Корсаков описывает в книге свое детство и юность с «музыкальной» точки зрения¹. Я же искала материалы, описывающие обстановку в Морском корпусе соответствующего времени, а также материалы о том, какая атмосфера могла быть в среде спутников гардемарина Римского-Корсакова в кругосветном плавании на «Алмазе».

Оба эти периода описаны в «Летописи» не слишком щедро. Но еще Н.Н. Римская-Корсакова справедливо заметила, что книга ее мужа не называется «Автобиография», что речь в ней идет о «моей музыкальной жизни», а не о своей жизни вообще и не о музыкальной жизни вообще. Поэтому упреки рецензентов первого издания книги (1909) в том, например, что Корсаков мало пишет о родителях, особенно о матери (очень нежно им любимой), а также о брате Воине Андреевиче (выдающемся, исключительном человеке) несостоятельны. Конечно, есть дополнительные материалы — письма Николая к родителям из корпуса и письма к матери, Воину, а также Балакиреву и Кюи из плавания. Но письма из корпуса (кстати, опубликованные только очень фрагментарно в книгах А.Н. и Т.В. Римских-Корсаковых) — это письма подростка к родителям, они имеют свою специфику,

¹ См.: Лашенко С.К. «Летопись моей музыкальной жизни»: побуждения и смыслы // Наследие Н.А. Римского-Корсакова в мировой культуре. К 100-летию со дня смерти композитора. М., 2009. С. 97–104.

а письма к «кучкистам» из плавания — там, где дело не касается музыкальной проблематики, — это, если можно так выразиться, фрондирующие письма очень молодого человека, который явно подстраивается под настроение и лексику кружка и его главы: критика окружающего здесь окрашена то в якобы гоголевские, то даже в базаровские тона. То есть эти письма тоже не совсем объективны.

Хочу сразу отметить, что по Морскому корпусу и плаванию нашлись замечательные материалы, на которые неизвестно почему до сих пор не обращали, насколько я знаю, никакого внимания. Между тем, одновременно с Римским-Корсаковым в корпусе учились превосходные мемуаристы: художник Василий Верещагин и литератор Константин Станюкович. Первый подробно написал о повседневной жизни в корпусе, а второй — о кругосветном плавании в качестве гардемарина. Есть и другие интересные воспоминания, но пока кратко остановимся лишь на этих фигурах.

Верещагин был на два года старше Римского-Корсакова, но поступил в корпус не в 12 лет, как Николай, а в 11 и окончил корпус на два года раньше, в 1859-м. Константин Станюкович был на год старше Римского-Корсакова, поступил в корпус на год позже, в 1857-м, но закончил (вернее, не закончил, а прямо со школьной скамьи был отправлен в кругосветное плавание) раньше на год, в 1860-м. То есть хронологическое совпадение практически полное.

Отлично написанные и весьма содержательные тексты обоих мемуаристов, несомненно, дополняют картины обучения и плавания, набросанные Римским-Корсаковым в «Летописи», уточняют и конкретизируют их, — не опровергают, но корректируют. И выясняется, в числе прочего, что будущий композитор не был совсем уж «белой вороной» среди соучеников, а потом и товарищей в плавании. Те протестные настроения, которые выражены в «Летописи», были вообще свойственны молодой среде морского офицерства в эту эпоху, и чем ближе к рубежу 1860-х, тем больше. И тот дух свободолюбия, неподкупной честности и независимости от начальствующих лиц, который композитор пронес через всю жизнь, был до известной степени обусловлен его окружением в юные годы.

Очень интересен в этой связи вопрос выбора жизненного пути при окончании Морского корпуса. Как понятно, Верещагин и Станюкович сделали тот же выбор, что и Корсаков, — в пользу *иного пути*. Причем Станюкович, как и Корсаков, после плавания, а Верещагин до такового, сразу при окончании корпуса.

В случае Станюковича, у которого вся семья была «морская», а здравствовавший отец — заслуженный и известный крутым характером адмирал, выбор, сделанный после удачного и интересного плавания гардемаринком (которое и было описано много лет спустя в превосходной книге «Путешествие на “Коршуне”»), привел к полному разрыву с семьей и, как следствие, — к отъезду из Петербурга, присоединению к радикальным общественным течениям (даже с заключением в Петропавловской крепости и ссылкой). Но при этом в прозе Станюковича о море и моряках рассказывается много, и часто с глубокой нежностью.

У Верещагина получилось по-иному: его состоятельная и родовитая вологодская дворянская семья не имела моряков в предшествующих поколениях, но трое братьев Верещагиных были отданы в Морской корпус. Василий всегда был первым в учении на своем курсе — по всем предметам; кроме того он был очень ловок и силен, очень хорош собой. Он окончил корпус первым по списку. И заявил о своем нежелании идти по морскому пути прямо на аудиенции после выпуска у великого князя Константина Николаевича — брата императора, попечителя корпуса, главы всего морского дела в России. И никакого скандала, вопреки ожиданиям, не вышло.

Прочитую маленький фрагмент из воспоминаний:

Я, одетый в новый мундир, и товарищ мой Быков, в сюртуке, были представлены Генерал-Адмиралу в Мраморном дворце. Мы вошли в столовую, отделанную дубом, а управляющий министерством, к которому мы сначала заезжали, пошел в кабинет Великого Князя. Его Высочество скоро вышел, по обыкновению весьма стремительно. Еще издали он воскликнул: “Ах, как это эле-

гантно! — и начал вертеть нас со во все стороны... — Ты смотрелся в зеркало? Ну подойди, надень шляпу, посмотри, что, хорошо?» — шутил он. «Вот, Ваше Высочество, хочет оставлять службу» — сказал Краббе, которого, по моей просьбе, директор уговорил замолвить об этом. Сначала Краббе не соглашался говорить Его Высочеству. «И думать об этом нечего, — говорил он, — Великий Князь не отпустит; он очень занят этим первым выпуском в гардемарины флота и не захочет потерять лучшего ученика — не нужно и поминать об этом, он рассердится». Только когда я сказал, что болен и не могу нести тяжести службы, Краббе по настоянию директора решился высказать мою просьбу. Великому Князю она видимо не понравилась: «Почему?» — «Нездоров!» — ответил министр. «Что у тебя болит?» — «Грудь болит, Ваше Высочество», — ответил я не сморгнувши. Боже избави было намекнуть на страсть к рисованию, непременно ответил бы то же, что сначала говорил Краббе: «Пустяки, пустяки, отплавай два года, потом рисуй сколько хочешь». «Очень жаль, — сказал Его Высочество, — мне тебя прекрасно рекомендовали Шестаков и Лисянский — очень будет жаль»².

И только. Дальше Верещагину никто не мешал поступать в Академию художеств и жить по-своему — отец просто предупредил, что не будет давать ему средства. Верещагин спокойно с этим согласился.

Примечательна тут, кроме великого князя, фигура адмирала, а с 1862 года морского министра Краббе, который помог Верещагину, думается, ничуть не веря в его мнимую болезнь.

Оба эти деятеля, прежде всего великий князь, а затем и министр, явно сыграли определенную — и существенную — роль в продвижении Римского-Корсакова по музыкальному пути. По-видимому, оба они в конце концов гордились тем, что среди выпускников подведомственного им учебного заведения есть такие талантливые люди, как Верещагин и Корсаков.

На страницах «Летописи» Николай Карлович Краббе упомянут несколько раз — и в связи с делами Воина Андреевича Римского-Корсакова, и в связи с прохождением на сцену «Псковитянки». Не видать бы сцены этой первой опере композитора, с ее картиной новгородского вече, если бы не вмешательство великого князя и Краббе, который характеризуется в «Летописи» как плохой моряк и как любитель музыки, театра, а также красивых артисток. Забавно, кстати, что Краббе фигурирует в том же качестве и в текстах Станюковича под прозрачным псевдонимом Шримс (то есть Креветка): «веселый толстяк с умным, заплывшим, когда-то красивым лицом, сделавший блестящую карьеру, никогда не бывавши в море» (из рассказа «Беспокойный адмирал»).

Так или иначе, именно Краббе, с ведома великого князя, разумеется, придумал ту должность «инспектора музыкантских хоров морского ведомства», которая дала Римскому-Корсакову возможность свободно избрать музыкальную карьеру, не совершая никаких резких разрывов и при гарантированном материальном обеспечении. Должность эта была в известной мере синекурой (что позже признавал сам Корсаков), хотя Николай Андреевич со свойственной ему добросовестностью и любознательностью наполнял ее реальным содержанием, насколько то было возможно, и общение с духовыми оркестрами морского ведомства тоже оказалось для него не без пользы.

Еще интереснее в отношении к биографии композитора фигура великого князя Константина, который, кстати, не только помог «Псковитянке», но и несколько демонстративно появился на одном из первых исполнений симфонической поэмы «Садко» своего подопечного (прослушал только это сочинение и вышел из зала). Ныне опубликованы фрагменты дневника Константина Николаевича за конец 1850-х и начало 1860-х годов³. Они подтверждают страстную привязанность его к музыке: князь музицирует на своем «виолончеле» буквально каждый день, часто играет с женой в четыре руки, нередко играет в квартете и даже иногда в оркестре, постоянно слушает музыку в концертах. Далее из

² Верещагин В.В. Детство и отрочество художника. Т. 1. М., 1895. С. 307.

³ См.: 1857–1961. Переписка Императора Александра II с Великим Князем Константином Николаевичем. Дневник Великого Князя Константина Николаевича. М., 1994.

дневников видно очень теплые отношения князя к упоминаемому там неоднократно Воину Андреевичу: во-первых, как к отличному моряку, во-вторых, как к приятному князю человеку. Более того, в записи от 17 января 1860-го читаем: «Благословил образом Римского-Корсакова, который завтра женится на Бауэр»⁴. То есть выступил посаженным отцом при женитьбе брата композитора. Почти родственное отношение! Как же не помочь брату рано скончавшегося талантливого офицера...

Еще две фигуры из морского мира упоминаются в «Летописи» и остаются нераскрытыми – два Павла: Головин и Мордовин.

Павел Николаевич Головин — самый близкий друг Воина Андреевича; тот, кому Воин поручил Николая на время до своего возвращения из кругосветного плавания, тот, кто встретил мальчика с отцом при первом их приезде в Петербург, к кому Николай приходил в дом на выходные и праздники во все годы своего пребывания в Морском корпусе (даже когда Воин вернулся из плавания, он продолжал службу в Кронштадте и до своего назначения директором Морского корпуса виделся с братом не так уж часто). Головин первый отвел мальчика в оперу и концерт; сестра Головина, Прасковья Николаевна, постоянно играла с Николаем в четыре руки, другие посетители дома составляли публику или участников домашних концертов, среди которых был и будущий композитор. Благодаря посредству Прасковьи Николаевны в жизни Николая появился первый настоящий учитель музыки — Федор Канилле, который и отвел его к Балакиреву. В «Летописи» говорится об этом вкратце, но важно, мне кажется, понять, каков был человек, игравший столь значительную роль в жизни подростка и юноши.

Павел Николаевич был прекрасным и, так же как его друг Воин, талантливым человеком. И подобно Воину, он рано умер — в начале 1862-го, до возвращения Николая из плавания: и Головин, и спустя десятилетие Воин, как говорится, «сгорели на службе». Как и Воин, Павел был человеком литературным: он сочинял стихи и опубликовал ряд статей и книг по морскому делу, переводных и оригинальных. Одна из его статей в знаменитом Морском сборнике — опубликованная под псевдонимом статья «Несколько мыслей по поводу статьи “Корабль «Св. Параскевия»”», посвященная вопросу об отмене телесных наказаний на флоте, — была, как сказано в некрологе, «перепечатана существовавшими тогда литературными журналами».

В одном из них ставили *неизвестного* автора в пример не только известным, но и приобретшим громкое имя авторам-обличителям (воевавшим, по большей части, против станowych и исправников), говорили, что обличают они не всегда удачно и не то, что обличать следует, что им не мешает поучиться у г. П**, в каждой строчке которого видно знание дела, ум и верное понимание недостатков знакомой ему среды. В «Современнике» появилась повесть «Чудо Морского сборника», в которой рассказывается, как совершившийся факт, обращение какого-то начальника от жестокости к гуманизму, благодаря чтению статьи Головина. *Si non e vero, ben trovato!*⁵

Кстати, и на страницах «Летописи» и писем Римского-Корсакова, и на страницах прозы Станюковича, и в воспоминаниях Верещагина проблема телесных наказаний на флоте занимает очень заметное место.

Живший с матерью и сестрой, Головин имел преданных друзей. Из некролога:

Рассказывают между прочим, что вскоре после появления романа Александра Дюма «Les trois mousquetaires» — в 1847–1848 году Головин зимовал в Ревеле и жил вместе со своими товарищами, лейтенантами В. Р-К. [В.А. Римским-Корсаковым] и б. О. Ш. [бароном Олафом Штапельбергом]. Эти три офицера, взаимно дружественные отношения которых были известны сослуживцам, получили от них прозвание Портоса, Атоса и Арамиса, потому что ни один из не яв-

⁴ Цит. изд. С. 228.

⁵ Мельницкий В. Некролог Павла Николаевича Головина // Морской сборник. 1862. № 4. С. 402–403.

лялся в общество без двух других, а своим истинно благородным поведением они заслужили невольное уважение всех знакомых. Достаточно сказать, что если между моряками случались какие-либо недоразумения, то они старались узнавать мнение об этом трех мушкетеров, и приговор их — этих трех присяжных без присяги — не подвергался апелляции»⁶.

Из кратких воспоминаний Воина Андреевича о друге⁷ узнаем также, что Головин любил и умел петь и даже не затруднялся подобрать подходящий мотив к только что сочиненным собственным стихам.

Что касается Павла Александровича Мордовина, спутника композитора в плавании на «Алмазе», то он упомянут в первом же абзаце посвященной плаванию главы:

На клипере была порядочная библиотека, и мы довольно много читали. Подчас велись оживленные разговоры и споры. Веянье 60-х годов коснулось и нас. Были между нами прогрессисты и ретрограды. К первым главным образом принадлежал П.А. Мордовин, ко вторым А.Я. Бахтеяров. Читался Бокль, бывший в большом ходу в 60-х годах, Маколей, Стюарт Милль, Белинский, Добролюбов и т. д. Читалась и беллетристика. Мордовин покупал в Англии массу книг английских и французских; между ними были всевозможные истории революций и цивилизаций. Было о чем поспорить. Это время было временем Герцена и Огарева с их «Колоколом». Получался и «Колокол». Тем временем началось польское восстание. Между Мордовиным и Бахтеяровым дело доходило до ссор из-за сочувствия первого полякам. Тем не менее, все симпатии мои были к Мордовину. Бахтеяров, восхищавшийся Катковым, был мало симпатичен; да и убеждения его мне были не по сердцу: он был ярый крепостник и дворянин с сословной спесью⁸.

К каждой фразе из этого пассажа, а также к другим подобного рода высказываниям в «Летописи», можно привести параллельные места из текстов Станюковича и Верещагина.

Например, об отношениях юных гардемарин с начальством из рассказа «Беспокойный адмирал» Станюковича:

Совсем еще юный, почитывавший умные книжки и исповедовавший самые крайние мнения, он [гардемарин Ивков, alter ego автора] мечтал по возвращении в Россию «наплевать» на службу и «служить» народу — как, он и сам хорошенько не знал. Нечего и говорить, что он старался держать себя подальше от адмирала и его любезностей и часто в кают-компании и в кругу товарищей гардемарин зло подсмеивался над адмиралом, отлично подмечая недостатки, слабости и смешные его стороны, и еще более над теми «трусамы» и «льстецами», которые выслушивают его дерзости и лебезят пред ним, и изливал немало гражданских чувств и остроумия в своих стихотворениях на адмирала.

Примерно те же настроения в тех же терминах (только не «служить народу», а «служить искусству») выражены в письмах Корсакова из плавания в отношении капитана «Алмаза». Разница в том, правда, что гардемарин Ивков впоследствии оценил благородство и гуманность своего адмирала, а гардемарин Корсаков остался при своем мнении — и оказался прав, ибо его капитан, П.А. Зеленой, и в дальнейшей жизни проявлял себя как мракобес, так что позже, в бытность градоначальником Одессы, даже попал на страницы фельетона Власа Дорошевича.

А вот фрагмент о Герцене и «Колоколе» из воспоминаний Верещагина, который летом 1858 года совершил учебное плавание в Европу на фрегате «Камчатка»:

Так как мы знали, что кадетские сундуки не осматриваются таможеню, то и привезли с собой множество запрещенных сочинений. Вещи офицеров, напротив, подлежали осмотру на общем

⁶ Там же. С. 405.

⁷ Опубликовано в виде предисловия к подборке посланий П.Н. Головина к матери и сестре «Из путевых писем» // Морской сборник. 1863. № 5.

⁸ *Римский-Корсаков Н.А.* Летопись моей музыкальной жизни. Изд. 7-е. М., 1955. С. 26–27.

положении, при съезде на берег; поэтому мы провезли книги и для многих из них. Впрочем, интересовались этим больше я и Дурново — он отдал книги своему отцу, а я давал читать многим и, между прочим, корпусному батюшке Березину, который пробовал оттянуть их от меня, но я не согласился, — уж и не помню, кто зажил их, но кто-то зажил.

Сочинения известного эмигранта Г[ерцена] пользовались тогда большим авторитетом, и офицеры «Камчатки» часто громко читали их в кают-компании. Мы, гардемарины, совершенно зачитывались этими книгами — столько было в них таланта, остроумия, выражения любви к ближнему и желания добра ему, казалось мне⁹.

«Прогрессист» Мордовин сделал потом большую карьеру, в некрологе 1907 года он назван «одним из способнейших членов нашей морской семьи»¹⁰. Карьера Мордовина была скорее литературно-ученой — плавал он не много, зато успешно возглавлял редакцию Морского сборника и «Кронштадтского вестника», выпустил ряд книг, из которых между прочим по крайней мере две переизданы в наши дни.

Понять настроение Римского-Корсакова, которого оторвали от любимого дела, музыки, нетрудно, но все же и на «Алмазе» у него была на самом деле не такая уж дурная компания, как бы ни упражнялся он в остроумии по поводу своего окружения, особенно в письмах к Балакиреву.

Любопытный вопрос: встречался ли в дальнейшем композитор со своими товарищами по корпусу и плаванию. Судя по воспоминаниям членов его семьи — встречался, причем, к удивлению своих детей, говорил им, уже заслуженным и не столь молодым людям, — «ты»: Римский-Корсаков ни с кем не был «на ты», кроме ближайших родственников и Федора Канилле. Встречался композитор с героем русско-турецкой войны и собратом по музицированию в корпусе адмиралом Николаем Скрыдловым, встречался с другим таким же собратом — Константином Ирецким (с этим особенно часто, поскольку его сестра была профессором консерватории по классу пения), встречался с еще одним корпусным любителем музыки — князем Александром Мышецким. Неоднократно встречался с Василием Верещагиным, и даже был проект поработать им вместе (не состоявшийся). Римский-Корсаков находился в родстве с коренными морскими династиями — через брак брата Воина Андреевича и брак свояченицы Александры Николаевны Молас, знаменитой певицы. В результате моряки всегда присутствовали в его окружении. Но это уже другая тема.

2. Александро-Невская лавра

Илья Федорович Тюменев известен в музыкальных анналах прежде всего как либреттист Римского-Корсакова, его корреспондент и автор воспоминаний о нем. Однако Тюменев знал среди кучкистов не только Корсакова: он был знаком со всеми членами кружка и серьезно интересовался их творчеством.

Тюменев оставил огромное литературное наследие, в том числе — полтора десятка томов своих замечательных Дневников, охватывающих огромный период, от начала 1870-х до 1918¹¹. Из них он сам извлек в качестве «воспоминаний» записи, связанные с Римским-Корсаковым. Эти воспоминания давно опубликованы — во втором томе издания «Римский-Корсаков. Музыкальное наследие» (М., 1954), но когда я попробовала сверить их и с автографом Тюменева, и с его Дневниками, то обнаружилась печальная картина: оказалось, что воспоминания, целиком смонтированные автором из Дневников, были опубликованы, мягко говоря, не полностью, притом без указания купюр, а сам текст часто переписан неизвестно чьей рукой, и без всякой надобности: Тюменев писал превосходно,

⁹ Верещагин В.В. Цит. соч. С. 265.

¹⁰ Огородников С. Некролог Павла Александровича Мордовина // Морской сборник. 1907. № 10. С. IV.

¹¹ РНБ. Ф. 796. Оп. 1.

и почерк его легко читаем. Кроме того Дневники содержат до сих пор почти не использованный огромный по объему и часто замечательный иллюстративный материал: это могут быть зарисовки Тюменева, учившегося несколько лет в Академии художеств, иногда — его друзей-художников (среди которых есть выдающиеся — особенно его ближайший друг Андрей Рябушкин), вклеенные афиши, программы, фотографии и проч. Туда же вклеены и автографы разных писем.

Сверяя тексты по Римскому-Корсакову, я дошла до 1881 года, до описания похорон Мусоргского¹². Это описание известно: оно было опубликовано сначала в журнале «Советская музыка» (1957. № 3), затем в книге А.А. Орловой «Труды и дни М.П. Мусоргского»¹³ и в более позднем сборнике воспоминаний о Мусоргском¹⁴. При сверке выяснилось, что опубликован этот текст не совсем полностью, но главное — не опубликованы «картинки», которыми автор Дневника сопровождал свои записи. И тут хочется хотя бы очень кратко остановиться на личности Тюменева.

Илья Федорович — художник, литератор, этнограф, а также музыкант, певец, участник известного хорового Думского кружка под руководством Михаила Бермана. Последнее обстоятельство важно, ибо много ценной информации о Мусоргском (в том числе очень ценной, вроде часто цитируемого описания последнего прослушивания «Хованщины» в исполнении Мусоргского у Тертия Филиппова) Тюменев получал именно от Бермана. Он также пробовал свои силы в сочинении, в руководстве светскими и церковными хорами и проч.

Илья Федорович происходил из семьи богатых и богомольных рыбинских купцов. Дед и отец Тюменева благодарили многим храмам и монастырям не только в России, но и на Афоне; отец отстроил на Валааме целый скит; брат много лет был послушником в этом монастыре. Сам Илья Федорович получил хорошее разностороннее образование. Любопытно, что учиться музыке к Римскому-Корсакову его отправил тот самый Федор Канилле, который вообще сыграл провиденциальную роль в судьбе композитора: Канилле, как уже отмечалось, отвел юношу Корсакова к Балакиреву, да и вообще, через посредство Канилле в жизни Римского-Корсакова неоднократно появлялись важные для него впоследствии люди. Во всяком случае Тюменев, начав с частных уроков у Корсакова (причем уроков, явно доставлявших удовольствие и ученику, и учителю), спустя годы стал либреттистом композитора, сначала в «Царской невесте», потом в «Пане воеводе». Тюменев предлагал Корсакову еще ряд сюжетов, изложенных в форме литературно складного и завершенного либретто. Композитору наверняка были интересны и полезны рассказы Тюменева о многочисленных странствиях по России и по Востоку, которые всегда сопровождались зарисовками, записью народных песен и сбором всякого рода этнографических коллекций. Ныне коллекции Тюменева находятся в музеях и архивах и оцениваются как в высшей степени содержательные.

В отношении музыкальной среды позиция Тюменева отличалась независимостью: он многих важных деятелей хорошо знал, следил за их жизнью и творчеством, но ни к каким «партиям» не принадлежал. Ежедневные записи он вел с редкой подробностью и добросовестностью. Любопытный момент: хотя Тюменев учился несколько лет в Академии художеств, зарисовки его порой отличаются некоторой наивностью и такой дотошностью в передаче деталей, которая свойственна скорее «самодеятельным» художникам. Целям исторического музыкознания это только способствует (только один пример: Тюменев дает в Дневнике точные планы квартир, в которых жил Римский-Корсаков).

К похоронам Мусоргского в Дневнике относятся три изображения. Имеет смысл привести их в контексте рассказа Тюменева по публикации в сборнике воспоминаний о Мусоргском (С. 200–208) как гораздо более полной, чем в «Трудах и днях». Две восста-

¹² РНБ. Ф. 796. Оп. 1. Т. 3. Дневник № 12. 1877–1881. Л. 439–442.

¹³ Орлова А.А. Труды и дни М.П. Мусоргского. Летопись жизни и творчества. М., 1963. С. 612–619.

¹⁴ Имеется в виду сборник «М.П. Мусоргский в воспоминаниях современников» / Сост. Е.М. Гордеева. М., 1989.

новленные купюры выделены курсивом, комментарии даны подстрочно, а комментарии к изображениям — под таковыми.

Размахнулось плечо у проклятого костлявого косаря на наши русские таланты; так косит... Достоевский, Писемский, Н. Рубинштейн, Азанчевский, а теперь и Модест Петрович! Скоро ли же конец этому беспощадному покосу?! <...>

По похоронам и проч. хлопочут Стасов и Корсаков. Корсаков просил Бермана устроить завтра в 8 часов вечера панихиду с Думским кружком, что будет исполнено. Мне Берман поручил заказать венок от кружка; завтра поеду. — Да! глубокую утрату понесла наша музыка! Он был и, пожалуй, наиболее одаренным и среди массы вычурного, растрепанного у него то и дело сверкали в глубине самородки чистого золота! А в смысле непосредственно народного характера творчество М.П. было несомненно «народнее» всех.

[Панихида 17 марта]

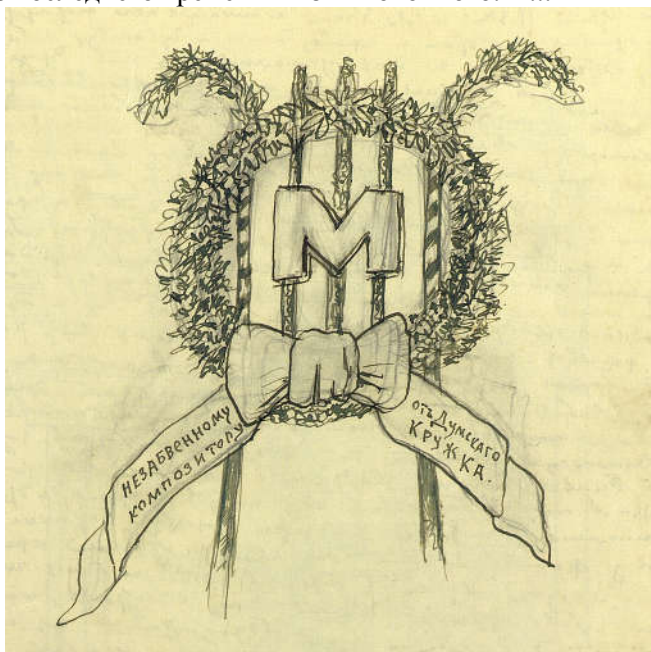
Целое утро — все хлопотал с венком.

К 8 часам вечера мы аккуратно собрались в церкви Николаевского сухопутного госпиталя (под Смольным). Церковь — многооконное с высокими сводами зало — освещалась только четырьмя свечами, горевшими вокруг гроба. Хотя бра на стенах и были зажжены, но горели до того тускло, что не давали никакого света, и в церкви царил полумрак. Лицо покойного (уже положенного в гроб) было прикрыто кисеею. В головах был прикреплен венок из консерватории, по сторонам гроба было прислонено несколько венков, небольших, как видно от частных лиц, в ногах поставлено несколько кадок с декоративными растениями. Публики собралось человек до 200 и все больше дамы, — как оказалось потом, ученицы консерватории и Бесплатной музыкальной школы. В толпе я заметил Стасова, Р.-Корсакова с супругой, д-ра Бертенсона и генерала в Станиславской ленте, оказавшегося А.П. Бородиным.

Кружок наш собрался дружно. Панихида началась; церковь от зажженных свеч несколько осветилась. Лицо покойного открыли. Он лежал бледный, без кровинки в лице, глаза несколько ввалились, лицо опавшее, но спокойное. «Со святыми упокой», прекрасно исполненное нашими, произвело на меня сильное впечатление.

Ни громкого плача, ни рыданий не было слышно, так как близкой родни у М.П. не осталось. (В Москве есть у него брат, который, по слухам, навещал его в клинике, но был ли он на панихиде и похоронах, я не знаю: никто мне об нем не говорил, никто его не указывал.)

После панихиды мы с Берманом и [Константином] Соловьевым поехали посмотреть заказанный мною утром венок в форме лиры. Для большей «убедительности» Костя посоветовал добавить в середину три зеленых палочки в виде струн, что и было исполнено, — в общем вышло прилично. Из цветочного магазина пошли к Михаилу Андреевичу [Берману] пить чай. По дороге он рассказывал нам кое-что из последнего времени жизни покойного. <...>

[Вынос и погребение 18 марта]

Венок наш был уже принесен (обошелся в 41 рубль).

Народу в церкви [госпиталя] было меньше, чем вчера, но зато народ все отборный: Балакирев, Корсаков, Надежда Николаевна Римская-Корсакова, Бородин с женою, Кюи с женой (Берман видел на несколько минут показавшегося Давыдова), Направник, Мельников, Каменская с мужем, Прянишников, оба брата Морозовы (помощник режиссера русской оперы и виолончелист Мариинского оркестра), Д.М. Леонова, все три брата Стасовы, Н.Ф. Соловьев, нововременский Иванов и др. Говорят, в церкви Стасов отчитал Иванова за понедельничный фельетон (с помещением интимных частностей из личной жизни покойного, которые не идут в некролог — об алкоголизме) — Иванов потом все время ходил обиженный и на кладбище жаловался кому-то из знакомых за этот публичный выговор.

Хотя вынос был назначен в 9 ½ часов, но опоздал Боровский (диакон из Смольного¹⁵), и еще что-то задержало, так что вынос состоялся уже в 10 часов (перед выносом была отслужена лития со сборным хором). Во время выноса венков было 15. От друзей композитора (самый большой), от консерватории, наш [от Думского кружка], Бесплатной музыкальной школы. Венок с надписью: автору «Бориса Годунова» — от леоновских курсов, венок «от русских сердец», не большой, но изящный, затем много венков без надписей.

Когда все вышли на улицу, народу оказалось не более 100 человек, которые большей частью были заняты у венков: ни консерватория, ни Бесплатная школа не явились (от каждой было по 5–6 представителей).

Гроб поставили на колесницу, и шествие тронулось. Видно было, что распорядители — люди малоопытные: они даже не знали хорошенько дороги, и все наше шествие походило на чисто семейные проводы родственника или умершего. Пройдя несколько десятков сажен по Слоновой, Корсаков от переднего венка (от друзей) прибежал к нам назад с вопросом: «туда ли мы идем-то?» — «Туда, туда», успокоили его.

Я объяснил ему, что это путь самый удобный и что пройдя Слоновую надо будет свернуть налево к Невскому. Он успокоился, еще раз переспросил о повороте и пошел догонять свой венок. Балакирев с каким-то господином, очевидно общим хорошим знакомым, взял извозчика и поехал в Лавру: он очень заботился, приготовлен ли там крест на могилу. Шествие наше подвигалось без пения, ибо некому было петь: все шли под венками. Была полная надежда на хор консерваторский и Бесплатной школы для пения «Святой Боже» хотя бы на улице во время шествия, но, как уже сказано, никто не явился.

Подвигались мы довольно скоро (не так, как с Достоевским¹⁶) и незаметно дошли до Лавры. В воротах мы экспромтом, как умели, запели «Святой Боже», и сошло оч[ень] недурно. Пели почти все; слышалось даже несколько женских голосов. Нас с венками позвали было назад, к гробу; думали, что будет лития, но лития, по недостатку распорядительности, тоже не вышла. Мы продолжали подвигаться к месту и еще раз пропели «Святой Боже». Войдя во вторые ворота, мы запели в третий раз и с пением внесли гроб в Духовскую церковь. Там все было уже готово. Часы прочитали, и невские певчие — полный хор на местах. Относительно похорон хлопотали Т. Филиппов и Чумачевский; помогал и Мих. Андр. [Берман]. Филиппов с Победоносцевым выхлопотали даровую могилу на Тихвинском кладбище, а Чумачевский съездил к знакомому архимандриту духовному цензору Иосифу (*по виду очень скромный, милый человечек*)¹⁷ и тот обещал сам служить, даром. Главный регент невского хора Львовский (сам бывший ученик Зарембы) заявил, что для такого выдающегося композитора он поставит полный хор свой (бесплатно), что и выполнил¹⁸.

¹⁵ Иоанн Васильевич Боровский (род. 1823 — ?), рукоположен во диаконы в 1851-м, в конце жизни, около 1895-го — священник Бабигонской церкви Петергофского уезда.

¹⁶ Тюменев присутствовал на похоронах Достоевского 1 (13) февраля 1881-го и тоже описал их, снабдив картинками.

¹⁷ К сожалению, сведений о духовном цензоре архимандрите Иосифе пока не обнаружено; возможно, Тюменев неверно называет имя.

¹⁸ Примечательны фигура крупнейшего духовного композитора и регента Петербурга того времени Г.Ф. Львовского и то, что как архимандрит, так и регент со своими певчими служат бесплатно: это, с одной стороны, свидетельство их уважения к покойному (а скорее всего — к ходатаям за него, Филиппову и Балакиреву), а с другой, свидетельство материальных трудностей с похоронами

Только что гроб поставили на катафалк, обедня началась. Венки уложили и на гроб и вокруг него. Тут к гробу подошел В.В. Стасов с какою-то девицей (вероятно, племянницей или родственницей). Она несла две ленты, белую и красную, и прикрепила по венкам вдоль гроба. На красной стальным стеклярусом было вышито: «К новым берегам!!!», а на белой — красными славянскими буквами: «Ой, и слава же тебе за «Бориса», слава!» Вероятно, и с другой стороны были подобные же ленты с надписями, но туда мне неловко было заходить. Мне кажется, что ленты эти принадлежали к венкам времен первых представлений «Бориса» и хранились у композитора либо у кого-нибудь из его знакомых (быть может, у того же Стасова)¹⁹.

Филиппов, простудившийся на выносе тела государя и еще не совсем оправившийся²⁰, все-таки явился со всею семьею. Балакирев, во время службы, стоял вдали, прислонясь к колонне (в правом углу церкви). Я несколько раз оглядывался на его выразительное лицо и умные, глубокие глаза. Одет он был в длинное драповое пальто, на шее из-под воротника выбилось синее шотландское кашне; суконная шапка была сильно поношена.

Я забыл сказать, что по ходу присоединился еще венок с надписью: «художнику от учеников СПб Горного института». Во время службы прибыло еще несколько венков. Должен был быть венок и от наших учеников, но его почему-то не было. Вчера на панихиде Черкасов говорил, что в Академии [художеств] устраивается подписка, ибо, даже помимо всяких художественных симпатий, ученики должны выразить благодарность за постоянное любезное участие Модеста Петровича в концертах нашей кассы.

Появились новые личности: Стравинский, Велинская, Шредер, *кажется (судя по портрету)* художник Максимов и др. Вообще много народу уже ожидало нас в церкви, а во время службы обширная церковь наполнилась почти вся. Принесли венок и от Бестужевских курсов.

После «Господи воззвах» (обедня была преосвященная²¹) мы с Берманом и Костей вышли «покурить». Так как Берман с утра ничего не ел и не пил, то мы прошли с ним попить чаю в трактир на углу против Лавры, а оттуда прошли на Тихвинское кладбище, где погребены Глинка (у самого входа налево) и (значительно дальше в правую сторону) Даргомыжский и Серов и где неподалеку от них было отведено место и Модесту Петровичу.

Проходя по главной прямой дорожке за памятником Крылова мы увидели свежевырытую могилу и пришли в немалое удивление, так как эти аристократические места давно уже заняты (еще со времен Крылова и Гнедича). Но здесь оказалось то самое место, где стоял памятник, знакомый мне еще в детстве. Когда после 8-часовой обедни у Лазаря мы с папашей и мамашей проходили навестить на этом правом кладбище могилки своих, я давно уже обращал внимание на один памятник в виде гладко обделанного прямоугольного высокого камня, на котором со стороны мостков значилось (цитирую по памяти):

*Могилы в кладбище на ставке
Стоят, как книги в книжной лавке,
Их имена известны нам,
А содержание беспристрастно
Подробно разберется там.*

Место это давным-давно было куплено и на нем сооружен при жизни памятник книгопродавцем Лисенковым, который время от времени и покрывал гробницу произведениями своей музыки. (Досужие репортеры еще несколько лет назад описали в Петербургском листке как самый памятник, так и покрывавшее его стихотворение.) Теперь случай привел меня сюда, когда так хорошо мне знакомый книгопродавец-поэт, по собственному выражению, стал книгою, содержание которой быть может в это самое время «подробно разбиралось там». Сегодня его хоронили и знакомый мне памятник был временно сдвинут несколько на сторону²².

Мусоргского: и место на этом кладбище, и певчие Архиерейского хора, которым руководил Львовский, стоили немалых денег.

¹⁹ Тут Тюменев наверняка не ошибается: по поводу этих венков возник когда-то конфликт, отраженный в переписке Стасова и Мусоргского.

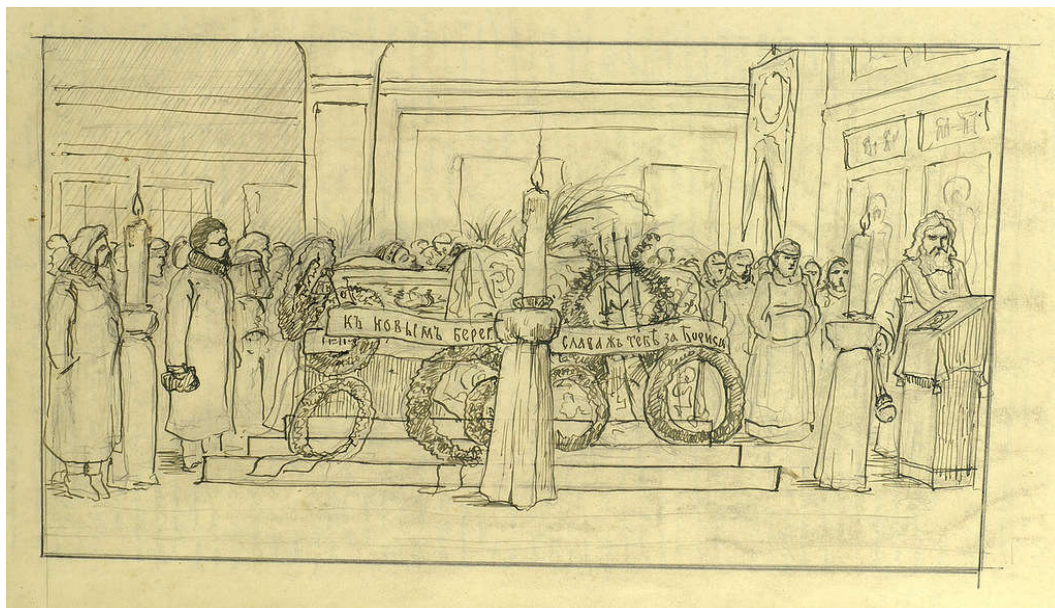
²⁰ Вынос тела убитого террористами государя Александра II в Петропавловский собор состоялся 7 марта; разумеется, Филиппов как государственный чиновник должен был на нем присутствовать.

²¹ То есть похороны Мусоргского пришлось на период Великого Поста.

²² Причины купюры понятны — рассказ об автозпитафии книготорговца как будто не относится прямо к похоронам Мусоргского, однако этот анекдот необычайно выразителен и каким-то неуловимым образом все-таки соотносится с судьбой Мусоргского и его похоронами. Так же как венок

В конце мостков, сворачивавших направо от главной дорожки, нам показали место, отведенное Модесту Петровичу (недалеко от церкви и вблизи ограды; ближе его на этой же дорожке похоронены: А.С. Даргомыжский, А.Н. Серов и поэт Щербина. Памятник Даргомыжского мы так и не нашли: из-под снега выглядывали одни только верхушки крестов. Памятник Серова расчищен: он все еще состоит из дерновой насыпи с деревянным крестом и медною дощечкой с дверей квартиры. Памятник Щербины очень щеголеват и содержится в порядке. Могила М.П-ча выложена внутри кирпичом, покрытым известью: приготовлено все, видно, опытными руками.

В церкви, куда мы вернулись, священник говорил проповедь о силе музыки и ее благотворном влиянии на душу, на прогресс всего общества в смысле добра и любви (текстом было взято: «хвалите его в трубах и органе»). В заключение, перейдя к кончине М. П-ча, проповедник напомнил пословицу: «где тонко, там и рвется», указывая на зародышное состояние нашего музыкального искусства, где люди талантливые еще необходимее и дороже, чем в какой-либо другой отрасли.

На зарисовке слева хорошо видны высокие фигуры Стасова и Римского-Корсакова в очках. Рядом с Николаем Андреевичем — очевидно, Надежда Николаевна. Справа, за мощной фигурой диакона Боровского дама с муфтой — скорее всего певица Дарья Леонова. С особой любовью зарисовано лицо покойного. — М.Р.

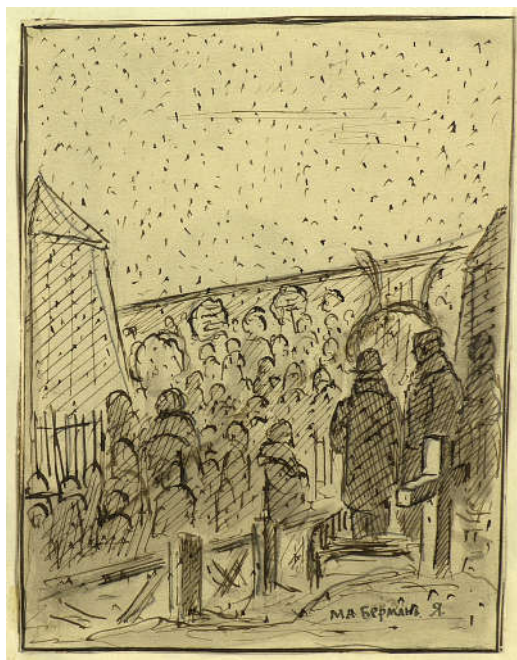
Хотя проповедника далеко нельзя было назвать оратором-специалистом, но тем не менее проповедь вышла довольно приличная. На отпевание вышел архимандрит соборне, и оно вышло довольно торжественно. Распорядители не догадались раздать свечи, и публика сама бросилась покупать их. У свечной выручки кипятился Стасов, раздавая запоздавшие свечи, но их все-таки не хватило, и остальная публика докупала сама.

Отпевание окончилось. После прощания с усопшим зашевелились опять венки,— их было уже до двадцати, выстроились и тронулись из церкви. Гроб несли на руках друзья покойного. На могиле сделалось очень тесно. Мы с Берманом воткнули наш венок в снег, не доходя до могилы и встали на соседнюю скамейку. После литии гроб был опущен в могилу. После этого Мельников своим приятным грудным голосом прочел стихотворение, присланное Лишиным, который почему-то сам не мог быть. Стихотворение недурное, с несколькими хорошими мыслями. После стихотворения публика ждала речей, но речей не было; даже Стасов безмолвствовал. И только молчаливый и даже скрытный по части предполагаемых музыкальных работ Николай Андреевич, проходя в толпе, нарочито громко (вероятно, по предварительному уговору) сказал Стасову, что он пересмотрит и проредактирует все оставшееся после покойного, и все, что только возможно, будет закончено и выпущено в свет, начиная с «Хованщины». Такое заявление для музыкантов было дороже многих и многих речей. Публика, стоявшая сзади, начала мало-помалу расходиться. Но на могиле, где могильщики заделывали склеп, была прежняя теснота. Наконец, склеп был закрыт и

с надписью «К новым берегам», прислоненный к гробу.

могила засыпана. Как только был поставлен белый деревянный крест (о котором хлопотал Балакирев) с подобающей надписью, началась уборка могилы, которая вся была покрыта нашими венками (когда могильщики заделывали склеп, у некоторых распорядителей явилась мысль не кладутся ли в склеп и венки? Но против этого восстали Балакирев и Бородин. — Эпизодик, указывающий на чисто семейный характер похорон).

Все время моросил мелкий дождь, а когда гроб опустили в могилу, повалил хлопьями снег, благодаря которому около могилы образовалась ужасная грязь и слякоть. Поставив наш венок перед самым крестом, я оторвал от ветки, изображающей загиб лиры, несколько кисточек на память о незабвенном композиторе, которые и прилагаю на следующей странице.

На зарисовке «для ясности» подписано, где кто стоял (Берман и Тюменев), изображен падающий снег, а рядом – прикреплена бумажными полосками отлично сохранившаяся до сих пор веточка от венка. — М.Р.

Мир, трижды мир, праху твоему, добрый, отзывчивый человек, кроткое незлобивое сердце и талант, так горячо послуживший своей любимой, великой родине!

Литература

1. *Верещагин В.В.* Детство и отрочество художника. Т. 1. М., 1895.
2. *Головин П.Н.* Из путевых писем // Морской сборник. [СПб.,] 1863. № 5.
3. *Лащенко С.К.* «Летопись моей музыкальной жизни»: побуждения и смыслы // Наследие Н.А. Римского-Корсакова в мировой культуре. К 100-летию со дня смерти композитора / Сост. М.П. Рахманова. М., 2009. С. 97–104.
4. *Мельницкий В.* Некролог Павла Николаевича Головина // Морской сборник. [СПб.,] 1862. № 4.
5. М.П. Мусоргский в воспоминаниях современников / Сост. Е.М. Гордеева. М., 1989.
6. *Огородников С.* Некролог Павла Александровича Мордовина // Морской сборник. [СПб.,] 1907. № 10.
7. *Орлова А.А.* Труды и дни М.П. Мусоргского. Летопись жизни и творчества. М., 1963.
8. 1857–1961. Переписка Императора Александра II с Великим Князем Константином Николаевичем. Дневник Великого Князя Константина Николаевича. М., 1994.
9. *Римский-Корсаков Н.А.* Летопись моей музыкальной жизни. Изд. 7-е. М., 1955.

Архивные источники

РНБ. Ф. 796 — И.Ф. Тюменев. Оп. 1. № 12. Т. 3. Дневник 1877–1881.